

© 1999 г.

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ С.Л. УТЧЕНКО

(К 90-летию со дня рождения)

2 декабря 1998 г. в отделе античной истории Института всеобщей истории РАН состоялись научные чтения, посвященные 90-летию со дня рождения крупнейшего ученого-антиковеда С.Л. Утченко. В юбилейном заседании приняли участие историки институтов РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова и других научных учреждений и вузов.

В своем вступительном слове зав. отделом античной истории Л.П. Маринович говорила о новаторстве и плодотворности идей С.Л. Утченко, к которым постоянно обращаются антиковеды, о важности его исследований для отдела в работе над проблемой «Человек и общество в античном мире». Далее Л.П. Маринович поделилась некоторыми воспоминаниями о Сергее Львовиче, о совместных поездках в Грецию, Египет и Северную Африку, а затем предложила по традиции начать заседание с чтения материалов из архива С.Л. Утченко.

А.И. Павловская сообщила, что не удалось найти большую и интересную рукопись С.Л. Утченко автобиографического характера и потому вниманию слушателей предлагаются два последних небольших фрагмента из его рукописного наследия: «О времени историка (развернутые тезисы)» и тезисного характера набросок «Трагедия истории». В первом из них Сергей Львович пишет: «В отличие от времени – научной абстракции (физическое время) и времени-ощущения (психологическое время) время историка есть время-переживание... Историк всегда не наблюдатель, но участник, и такое участие – деятельный творческий акт... В чем суть этой деятельности, каков ее определяющий и инвариантный показатель? Осознанное или подсознательное (но всегда неизбежное!) проецирование опыта настоящего (т.е. современного историка общественного сознания) на прошлое». Специфика времени историка – «это пафос расстояния (не пространственного, а временного) от события до настоящего времени, до момента *теперь*... историк должен творчески пережить названный выше пафос расстояния от события до *теперь* и таким образом сделать любое рассматриваемое событие *теперешним*, т.е. живым, звучащим, актуальным. В этом и только в этом суть творческого акта, и только в этом – что бы ни говорилось! – задача историка».

Во втором фрагменте «Трагедия истории» С.Л. Утченко предполагал рассмотреть следующие вопросы: история и «точные науки», история и жизнь, история и правда, о биологической константе, об изменении мироощущения, о будущем. Он ставит вопрос: «История наука точная или нет?» И дает такой ответ: «Один из аспектов трагедии истории: невозможность в принципе (!) стать точной наукой (т.е. научить управлять общественными процессами!). Прелесть истории – в ее неисточности!». Далее он ставит вопрос о соотношении понятий «история общества» и «жизнь общества»: «Что богаче – жизнь или история общества? (второй аспект трагедии истории!)». Рассматривая следующий вопрос: «Писали ли когда-либо историки правду?.. Может ли историк писать правду?», он пишет: «Дихотомичность нашего восприятия действительности. Альтернативность и свобода выбора. Миф как объект исследования. Мифопорождающие ситуации. Третий аспект трагедии истории!». Далее он предполагал обсудить проблему биологической константы в соотношении с социальными-экономическим развитием (характерна его фраза: «Подлец во всех формациях остается подлецом!»), вопрос о понятии «мироощущение эпохи» («три кризиса мироощущения» – геоцентрическое, гелиоцентрическое и метагалактическое воззрения). В разделе «О будущем» лишь намечены вопросы, о которых он намеревался писать – атом, демографический взрыв, Восток и Запад, о проблеме гуманизма, отчуждения, интеллектуализма.

После чтения материалов из архива С.Л. Утченко перешли к слушанию и обсуждению научных докладов.

А.И. Павловская (Москва) выступила с докладом «“От гражданина к подданному” – имел ли место этот процесс в классической Греции?» Напомнив о предложенной С.Л. Утченко в его последней монографии краткой формуле для описания пути античного мира – от полиса к империи, от гражданина к подданному, она поставила вопрос: применима ли эта формула к истории греческих полисов периода кризиса полисной системы и столкновения с Македонской державой? Докладчик показала, что понятие «подданные», т.е. подвластные как в политическом, так и в экономическом плане возникло ранее и в греческом мире

(*δημόσιος*), и в республиканском Риме (*dedicium*), но эти понятия были связаны с межгосударственными отношениями. Внутри своего полиса человек сохранял свой гражданский статус. Как показали многочисленные исследования, имущественное расслоение влекло за собой (и в греческих полисах, и в римской *civitas*) ослабление связей гражданина с полисом, но в Греции это было характерно лишь для полярных слоев общества – наиболее зажиточных и самых бедных. В Риме ситуация была иной: разложение гражданского коллектива римской *civitas* в значительной мере было обусловлено превращением Рима в средиземноморскую державу. Однако вплоть до начала кризиса III в. Е.М. Штаерман отмечает сохранение элементов гражданственности в среде муниципальной знати.

Устойчивость полисной структуры при любой форме политической власти обусловлена тем, что полис был основной социально-политической организацией, которая стояла между гражданином и внешними силами, оберегая и защищая его и в период независимости, политической самостоятельности полисов, и в период включения в состав той или иной державы – Македонии, эллинистических царств, Римской империи. Едва ли, замечает докладчик, там, где существовали полисы (и пока они существовали, в том числе и в форме муниципия) можно проследить завершённый переход от «связей соучастия» к «связям подчинения», так как гражданин прежде всего продолжал участвовать с теми или иными ограничениями в экономической и социально-политической жизни своего полиса и лишь как член гражданского коллектива подчинялся вышестоящей государственной власти. Следовательно, заключает докладчик, рассматривая взаимоотношения гражданина и государства с таких позиций, можно говорить о «связях соподчинения», т.е. не прямого, а опосредованного полисными институтами подчинения государственной власти.

С докладом «Фукидид, Пелопоннесская война и Олимпийские игры» выступил *В.И. Кузичин* (Москва). Он сказал, что Фукидид создал впечатляющую картину Пелопоннесской войны как одного из самых жестоких, драматических событий греческой истории, подрывающих основы существования культуры и самой жизни эллинов. Эта концепция стала общепризнанной и господствует до сих пор в мировой историографии. Фукидид, используя свой блестящий талант профессионального историка и мастерство цезаурядного художника трагедийного жанра, создал художественные образы и композиции огромной эмоциональной силы. При этом он как бы отводит на второй план реальные события и ситуации, в которых проявлялся механизм сдерживания, мирные инициативы, развивающиеся под влиянием бедствий войны. Таким сдерживающим началом был древний институт священного перемирия – *экехейрия* – на время проведения общегреческих празднеств – Пифийских, Немейских, Истмийских и особенно Олимпийских игр. Перерыв военных действий на месяц остужал воинственность, внедрял в сознание враждующих идеи эллинского единства и мирного сосуществования полисов с разным политическим строем и этническим составом населения. Фукидид упоминает эти празднества и выражает уважение к институту перемирия, однако он не акцентирует внимания на этих вопросах. И это не случайно. По мнению докладчика, подчеркиваю резкая антивоенная концепция Фукидида была бы ослаблена введением в структуру повествования иных концептуальных подходов.

С докладом «Сципионова легенда. Опыт исторической реконструкции» выступила *Т.А. Бобровникова* (Москва). Она отметила, что так называемая «Сципионова легенда» – это целый комплекс представлений, сложившихся вокруг Сципиона Старшего. В XX в. эта легенда привлекла особое внимание ученых. Вкратце она сводится к следующему: 1. Сципион был сыном бога; 2. Он постоянно общался с богами; 3. После смерти он и сам стал богом. Автор доклада пытается звено за звеном восстановить все элементы этой легенды и приходит к выводу, что легенда почти целиком сложилась при жизни Сципиона и в ближайшие несколько лет после его смерти. Она является феноменом духовной жизни III–II вв. до н.э., так как никаких аналогий ей в истории римской республики не имеется. Причины этого явления видятся докладчице в переломном характере эпохи (III–II вв.), полной религиозных поисков и метаний, а также в личности самого Сципиона, который воспринимался современниками как посредник между богами и людьми.

И.С. Свенцицкая (Москва) сделала доклад «Веспасиан – спаситель человечества». Докладчица обращает внимание на то, что культ императора, не только умершего и официально причисленного к богам, но и правящего (прежде всего в восточных провинциях) оформлялся постепенно в течение всего первого века. Первые восторженные надписи в честь Августа были поставлены городами Малой Азии, особенно пострадавшей в течение Митридатовых и гражданских войн. Установление мира было для них величайшим благом, и неудивительно, что в дошедших до нас надписях Август именуется как спаситель космоса (Миры Ликийские), спаситель рода человеческого (Галикарнасс), а его рождение провозглашается началом благих вестей (евангелий – Приена – SEG IV. 490; Апамея – SEG V. 815). Вряд ли эти надписи были инспирированы сверху: это было выражением веры в харизматического лидера, действительно спасшего империю от ужасов гражданских войн. Однако затем «экуменистический» пафос и искренняя восторженность сменяется достаточно стереотипными, хотя и пышными формулами титулатуры императоров, все чаще называвшихся богами. Набор эпитетов стал устойчивым ко времени Адриана, а воздаяние императорам божественных почестей становится обязательным выражением лояльности. Полисные религиозные традиции сохранялись посредством объединения культа императора с культом собственных богов-покровителей (в Эфесе – с Артемидой, в Пергаме – с Асклепием). Почитание императора было общей установкой власти, но выбор конкретной титулатуры вряд ли регулировался сверху. Поэтому в I в. встречается и отклонение от распро-

страшенных в то время формул. На одной из таких надписей – постановлении в честь Веспасиана из Идимы – и останавливается автор доклада.

Надпись интересна во многих отношениях. Городок Идима в Карию – ничем не примечательное небольшое поселение, не имеющее даже статуса полиса, а всего лишь «союз идимейцев». Идима входила в родосскую Перею; она упоминается в надписи Родоса эллинистического времени в честь стратега, вернувшего земли идимейские, писийские и килландийские. Формула чествования не стереотипна: наряду с эпитетом эвергет, который встречается в надписях того же региона в честь представителей династии Флавиус (в частности, посвящения Домициану и Домицию), Веспасиан назван спасителем всех людей без какого-либо указания на связь с благодеяниями, оказанными самой Идиме. Обращает на себя внимание несоответствие своего рода «захолустности» поселения, воздающего почести, и экуменистическое восприятие правителя. Веспасиан, вероятно, вообще не знал о существовании союза идимейцев, да и краткость постановления указывает на то, что особых благодеяний для них совершено не было. Возможно, поводом для этого почетного декрета послужило окончание гражданских войн, во время которых города восточных провинций страдали от денежных поборов. Не исключено, что среди них были и жители Идимы. Но, как пишет Тацит в «Истории» (II, 84), ситуация не изменилась и после установления мира, так что вряд ли Веспасиан мог – в отличие от Августа – именоваться «спасителем всех людей». По мнению докладчицы, фразеология этой надписи связана с тем, что маленькая Идима начинает ощущать свою включенность в огромную империю, стремится осознать себя частью всего человечества. Можно предположить, что именно для небольших поселений, не имевших древних полисных традиций, связь с «большим» миром становилась все более важной, она как бы компенсировала их незначительность, особенно в условиях формальной или фактической зависимости от крупных полисов (Родос для Идимы, Стратоникея для Панамары). Веспасиан, таким образом, стал символом этой включенности, и чествование его позволяло говорить идимейцам как бы от имени всего человечества, чувствовать себя полноценной и самостоятельной частью огромной державы.

Докладчица обращает внимание и на другой интересный момент – употребление в надписи слова «евхаристия» – благодарение. Это существовавшее достаточно редко встречается в надписях и обычно обращено к божествам. В данном случае это указывает на стремление придать особую торжественность постановлению, а также, возможно, здесь содержится скрытый намек на божественность Веспасиана. Употребление этого слова, как и возрожденный «экуменистический» титул, свидетельствует о том, что надпись была следствием инициативы самих идимейцев (а не была инспирирована сверху), которые надеялись на передышку в поборам и стремились громко заявить о себе властям и соседям, используя достаточно необычное для того времени словоупотребление, означавшее, что Идима осознает свою связь с императором и «всеми людьми», т.е. всеми его подданными.

Докладчица также отметила, что слово «евхаристия» (как и «евангелия» в надписях в честь Августа) стало одним из важнейших понятий первых христиан. Наличие этого слова в рассматриваемой надписи свидетельствует о том, что оно входило в культурные представления населения Малой Азии. Христиане использовали его (как и слово «евангелие»), полностью изменив значение, противопоставив свою «евхаристию» язычеству. Таким образом, заключает докладчица, маленькая надпись маленького малоазийского городка может раскрыть изменения в социальной психологии части жителей огромной империи и повлиять в какой-то мере на наше понимание процессов, происходивших внутри нее.

Доклад Ю.К. Колосовой (Москва) «"Варвары" в понятии римских историков времени ранней Империи» посвящен понятию «варвар» в историографии ранней Империи. Автор останавливается на политических, а также на философских идеях греческого общества, заимствованных римлянами в эллинистический период. Возникший в это время термин «ойкумена», как обитаемый мир, означал общество людей, живущих в цивилизованном мире, на краю которого обитают варвары. С крушением эллинистических государств понятие ойкумены утратило свое прежнее значение. Теперь ойкумена означала господство Рима над всем кругом земель, над всем orbis terrarum. Для греков в понятии «варвар» главной была особенность языка, а не свойства и культурные привычки самих варваров. У римлян в понятие «варвар» входили черты прагматического свойства, поскольку римский мир знакомился с миром варваров главным образом в результате военных действий. Поэтому варвары предстают как люди грубые, нецивилизованные, необразованные, их отличает тупость и жестокость. Они коварны, хитры, корыстолюбивы, обладают душами диких зверей, а телами большими, чем человеческие, они унижаются в несчастях и превозносятся в счастье. В описании варваров преобладают скорее свойства физического и нравственного характера, но по мере знакомства с римским миром у варваров появляется больше культурных черт. Проведение Pax Romana на варварские земли способствовало ознакомлению мира варваров с римскими государственными и правовыми институтами, что нашло отражение в политическом и культурном сотрудничестве римлян с миром варваров. Главной целью этого сотрудничества, замечает докладчик, являлась защита рубежей Империи от варваров. При этом римской император выступает всегда как властелин всего мира – и римских земель, и земель варваров. По мере социально-экономического и культурного развития в варварском обществе происходят перемены этнического и социально-правового характера. Как свидетельствуют источники, в последний период существования Империи договоры заключались с варварами на основании их собственного племенного права

и по желанию самого племени. При этом варвары выступают хозяевами своих земель. В римской литературе начала IV в. появляется выражение *Barbaricum (solum)*, т.е. «Страна (земля) варваров», подобно *Romanum solum* («Страна римлян»). Докладчик подчеркивает, что это отражает возникновение в римском обществе новой политической мысли: весь обитаемый мир (*orbis terrarum*) теперь окончательно признан разделенным на два мира – мир варваров и мир римлян, мир чужой и мир свой. Этот чужой мир был представлен отныне странами, землями и народами, находящимися вне пределов Империи, и он определялся в источниках как *Suebia, Alamannia, Germania, Sarmatia, Gothia*. И варварские племена, населявшие эти земли, названные совокупно как *Barbaricum*, противопоставят Риму.

С докладом «Пушкинский перевод первого стиха десятой сатиры Ювенала» выступил Г.С. Кнабе (Москва). В центре доклада – перевод А.С. Пушкиным в августе 1836 г. десятой сатиры Ювенала «О тщете земных вожделений, алчности и славолюбия». По просьбе князя П.Б. Козловского поэт взялся за перевод одного из самых любимых стихотворений князя. Однако переведенными оказались только стихи 1–14 и 188–193. Для понимания роли и характера античного наследия в творчестве А.С. Пушкина, сказал докладчик, особый интерес представляет начальный стих первого из переведенных мест: «От западных морей до самых врат восточных». Слова «врат» в латинском подлиннике нет (*Omnibus in terris qui sunt a Gadibus usque // Auregem et Gangem*). Эта деталь внесена Пушкиным. Но внесена она не случайно. Есть множество свидетельств того, что римляне видели свою Империю как свою ойкумену, как освоенное цивилизацией полисное, «устроенное» пространство, открытое во внешний, незнакомый и варварский мир лишь в некоторых точках-проходах-заставах, запирающихся воротами – *claustra*. Докладчик замечает, что в Оксфордском словаре, этом мини-гезаурусе латинского языка, содержатся 10 текстов, где слово *claustra* употреблено именно в таком значении. Примечательно географическое распределение мест, к которым применялось обозначение «врат», открывающих Империю во внешний мир: в двух случаях оно относится к Риму и Италии, в трех – к Греции и в пяти – к восточным рубежам Империи – Африке, Египту и Кавказу. Докладчик отмечает, что словоупотребление Пушкин опирается здесь не на лексику переводимого текста, а апеллирует поверх него к культурно-историческому сознанию, где как бы размыкаются, *patent*, преимущественно на Востоке, пределы Империи. Важно и другое обстоятельство: это представление зафиксировано в текстах, Пушкину, судя по всему, не известных – в «Истории» Тацита (I. 6; II. 82), у Лукана (VIII. 222; X. 509), у Силия Италика (V. 44). Силия Пушкин не знал, Лукан упомянут во всем корпусе его сочинений только один раз и то ошибочно, ссылки на Тацита касаются первых книг «Истории», которые Пушкин почти определенно не читал. Таким образом, подчеркивает докладчик, перед нами апелляция к особенностям римского культурно-исторического сознания не только поверх переводимого источника, но и поверх достоверно доступной поэту исторической информации в целом.

Отмеченная особенность знания Пушкиным античности – в первую очередь и почти исключительно римской – была и свое время названа академиком М.П. Алексеевым «пушкинским чувством древности». Она проявляется в творчестве Пушкина в двух формах. Первая состоит в том, что антично-римские реалии, ситуации и образы живут у Пушкина на грани ясной памяти и смутного припоминания, уходя в образно-эмоциональные глубины подсознания. Подтверждением и иллюстрацией может служить работа поэта над отрывком из «Путешествия Онегина» «Воображенью край священный...». Вторая форма пушкинского «чувства древности» связана с поразительной способностью проникать в глубину исторической ситуации через детали, сами по себе подчас переданные ошибочно, сохраненные в памяти неточно, но пробуждающие безошибочную образно-историческую интуицию – образы, ею созданные, получают подтверждения в сфере академической науки, выводы которой в данных пунктах Пушкину известны не были. Примеры: черновой набросок к 6-й главе «Евгения Онегина» «И Кесарь слезы проливал...» или строки «И заповеданной ограда, касаясь жгучим колесом» в переводе оды Горация I. 1. Перевод Пушкиным первой строки X сатиры Ювенала, заключает Г.С. Кнабе, еще одно подтверждение сказанного.

В.М. Смирин (Москва) прочитал доклад «Свобода раба и рабство свободного». Докладчик остановился на нескольких аспектах вопроса о связи понятий «свободы» и «рабства» с общей системой нравственных ценностей и социальной жизни римской гражданской общины, доказывая, что полностью противоположные статусы «свободного» и «раба» в римском обществе сплошь и рядом не могли быть установлены с достаточной достоверностью (распространенность судебных процессов о статусе – *causa liberalis*), а рабы, при всей приниженности их положения, были интегрированной частью социального организма. Через посредство личности господина (во власти которого раб состоял и который мог сделать раба гражданином путем *манумиссии* с соблюдением всех формальностей) раб оказывался опосредованно связан с гражданской общиной, становясь латентным гражданином.

В обсуждении докладов приняли участие В.А. Головина, Ю.К. Колосовская, А.И. Павловская, С.Ю. Сапрыкин, М.К. Трофимова, И.С. Свенцицкая, Л.П. Маринович и др.

Закрывая научные чтения памяти С.Л. Утченко, Л.П. Маринович отметила высокий уровень сделанных докладов и поблагодарила всех выступавших, а также участников чтений.

Л.Л. Селиванова